

ЗУД



Виктор Колесников

Виктор Колесников

Зуд

«Автор»

2026

Колесников В. В.

Зуд / В. В. Колесников — «Автор», 2026

На закате советской эпохи в закрытом НИИ ведутся секретные генетические эксперименты: учёные пытаются создать препарат для разжижения крови на основе белков из слюны комара — средство, которое должно спасать военных при тяжёлых травмах и не давать тромбам закупоривать сосуды. Но погоня за прорывом оборачивается кошмаром. Лес вокруг НИИ становится территорией ужаса, где тишина обманчива, а каждый шорох может означать приближение смерти.

© Колесников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зуд

Рассказ

«Протокол 17. Объект Н-К-9. После введения вектора на основе слюнных белков комара зафиксировано:

- гиперпродукция антикоагулянтного протеина;
- спонтанное кровотечение при ЧСС выше 120;
- усиление охотничьего инстинкта при снижении гематокрита.

Вывод: проект „Антикоагулянт-К“ признан опасным и нестабильным. Рекомендовано уничтожение всех образцов».

Фургон резко дёрнулся и замер на обочине. С металлическим лязгом отъехала в сторону дверь, и на припылённую траву выскочил пёс. Стремительно метнувшись к ближайшему кусту, он нырнул в него и, подняв ногу, принялся метить территорию. За это короткое время его хозяин успел попрощаться с водителем, который согласился подвезти охотника с собакой.

Павел вышел из машины, тяжело взвалил на плечи увесистый рюкзак и ружьё, поправил кепку и бодрым шагом двинулся по извилистой грунтовке в сторону лесополосы.

— Байкал! Ну-ка сюда иди! Чтоб тебя... — прорычал он.

Пёс тут же бросил все свои дела и метнулся к хозяину. Пронесшись у самых ног, он едва не сбил Павла — и тут же удостоился пары крепких словечек. Но Байкал не обратил на них никакого внимания и помчался дальше, будто ничего и не было.

До заката оставалось ещё несколько часов, и Павел решил не торопиться разбивать лагерь. Он хотел пройти столько, сколько получится, пока не стусятся сумерки.

Когда дорога скрылась за горизонтом, а шум мчащихся машин окончательно стих, охотник невольно вернулся мыслями к разговору с водителем. Тот не производил впечатления безумца, но его слова, сказанные на полном серьёзе, никак не выходили из головы.

Павел снова прокрутил в памяти тот разговор.

Бладхаунд устроился у него на коленях: голова и передние лапы лежали на ногах хозяина, а задняя часть пса неуклюже разместилась на соседнем сиденье.

— Зачем вам сюда? — спросил водитель, покосившись на охотника и собаку.

— На охоту, — с лёгкой улыбкой ответил Павел.

— Я имею в виду – на кого едешь охотиться?

— На птицу. Но если мой барбос унюхает что-нибудь поинтереснее, пойду за чем-то другим, — снова улыбнулся Павел.

Водитель покачал головой.

— Фазана можно взять и поближе к городу. Здесь охотиться опасно. В этих краях даже дальнобойщики не останавливаются. А если что случится с машиной — те, кто знает эти места, стараются поймать попутку и убрать отсюда до заката.

— Ого! И чего так?

— Трудно сказать наверняка. Кто-то болтает, что тут прячутся беглые преступники... Мол, они по ночам людей ловят, убивают, а потом... съедают! — водитель коротко хохотнул. — Представляешь? Щеки едят, говорят. Ты бы в такое поверил?

— Нет...

— Вот и я не верю. Ещё всякие сказки про духа леса ходят — какой-то древний, языческий...

— Тоже как-то не верится, — пробормотал Павел. Разговор ему явно был не по душе, и он изо всех сил хотел, чтобы поездка поскорее закончилась. Если бы болтовня стала совсем невыносимой, он бы попросил остановиться где-нибудь и дальше пошёл пешком.

— Правильно, я тоже не верю в эту чертовщину. Но вот во что я верю... — водитель вдруг бросил на пассажира короткий, недобрый взгляд, потом отвернулся и уставился на дорогу. — Ещё в советские времена здесь стоял исследовательский институт. Прямо тут, в лесу. Говорят, руины до сих пор можно отыскать среди тех исполинских дубов.

Он ненадолго замолчал, и Павлу показалось, что водителю самому стало не по себе от собственных слов. Но тот всё же продолжил:

— В этом институте ставили опыты над людьми. Чудовищные, жуткие опыты...

— И что? Институт-то давно не существует.

— Да, верно. Но по слухам подвал, вернее, его часть — до сих пор цел. И там... там осталось что-то, что убивает людей. Вот в это я верю...

Водитель оборвал рассказ, а Павел предпочёл промолчать.

— Ну, вот и приехали! — бросил водитель, сворачивая на обочину. Машина остановилась.

«Безумец какой-то» — думал Павел, хотя теперь, когда тропа всё сильнее петляла, будто лес нарочно запутывал следы, на душе становилось все тяжелее. Каждый хруст ветки отдавался внутри неприятным эхом, а тени между деревьями казались слишком плотными, будто в них что-то пряталось.

Байкал, который до этого весело рыскал по кустам, вдруг резко замер. Не просто остановился — будто налетел на невидимую стену. Его уши, тяжёлые и мягкие, встали торчком, ноздри задрожали, втягивая воздух так жадно, словно он пытался разобрать один-единственный запах среди тысячи. Шерсть на загривке медленно поднялась, образуя тёмный гребень. Павел почувствовал, как по спине пробежал ледяной ток. Он тихо позвал:

— Байкал...

Пёс не обернулся. Он смотрел вперёд — не на кусты, не на тропу, а куда-то чуть выше человеческого роста, туда, где между стволами старых дубов сгущалась странная, неестественная тишина. И в этой тишине не было ни шороха листвы, ни крика птицы, ни даже жужжания комара — только глухой, пустой вакуум.

— Что там, мальчик? — прошептал Павел, и собственный голос показался ему чужим, слишком громким.

Байкал издал короткий, сдавленный звук — не лай, не скулёж, а что-то среднее, будто горло перехватило от страха. Потом он медленно, почти против воли, сделал шаг вперёд, снова замер, а затем резко дёрнулся назад, чуть не врезавшись в ноги Павла.

Охотник сглотнул и опустил взгляд на землю. И тут он их заметил. Следы.

Они шли параллельно тропе, но не по мягкой земле, а по жёсткой, утопанной глине, где обычно не оставалось чётких отпечатков. Эти же были отчётливыми — глубокими, с неровными краями, будто кто-то вдавливал ступни с усилием, почти впечатывая их в почву. Но самое странное — форма. Следы напоминали человеческие, но пальцы были неестественно вытянуты, а на пятке виднелся странный узор: будто кожа там пошла трещинами или покрылась тонкой сеткой хитина.

Рядом с одним из отпечатков темнело несколько пятен. Слишком тёмные. Павел наклонился, осторожно вытянул руку, коснулся кончиком пальца. Похоже на кровь.

В этот момент Байкал глухо зарычал — и звук этот был совсем не охотничьим. Это был рык животного, которое впервые в жизни увидело нечто, не имеющее права на существование.

Павел медленно поднял ружьё, хотя сам не знал, во что целится. Перед ним была обычная лесная чаща. Но воздух дрожал, как над раскалённым асфальтом, и в этом дрожании мелькало что-то лишнее — будто реальность на секунду дала трещину.

Неожиданно Байкал рванул вперёд, нырнул в сумрак меж стволов ветвистых дубов — туда, где темнота жила своей собственной жизнью. Охотник кричал ему вслед, но блаухаунд, словно заколдованный, игнорировал команды хозяина и нёсся вперёд. Вскоре исчез даже шум ломающихся веток. Пёс будто бы провалится сквозь землю. Павлу ничего не оставалось, кроме как идти дальше и периодически звать товарища.

В тени многовековых деревьев царили настоящий холод, сырость и мрак. Над кронами солнце нещадно палило, словно стремилось испепелить всякого, кто посмеет высунуться из укрытия, а внизу, в лесной глуши, безраздельно властвовали тень и влага. Даже листва не шуршала под тяжёлыми ботинками заблудившегося охотника, словно лес затаил дыхание.

— Байкал! — вновь выкрикнул Павел, но блаухаунд по-прежнему не реагировал на хозяйина.

Охотник мельком глянул на часы: 18:36.

— Время ещё есть... — пробормотал он едва слышно, и, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, не взирая на страшные следы невиданного зверя, побрёл дальше, всё глубже в лес.

В чаще не было ни троп, ни мусора, ни следов кострища — ничего, что выдавало бы присутствие человека. Лес казался первозданным, нетронутым, словно время здесь остановилось. И это было по-настоящему странно. Всего в пятидесяти километрах от Омска встретить такую глухомань — редкость. Но странным было совсем другое: здесь не было слышно ни единого комариного писка. В этой вечной тени не было комаров... и от этого становилось не по себе.

Со временем лес словно перерождался, примеряя на себя всё более зловещий облик. Темнота сгущалась, будто впитывая последние отголоски дня, а температура стремительно падала, пробирая до костей.

Когда надежда отыскать собаку окончательно растаяла, сумерки превратились в непроглядную тьму — охотник достал фонарь. Его луч выхватывал из мрака лишь клочья мха да изогнутые корни, но не следы собственных ботинок. Впрочем, он знал, каким курсом держать путь к выходу: тут не требовалась карта, хватало и компаса. Павел сбросил с плеч тяжёлый рюкзак и ружьё, открыл флягу и жадно припал к ней, глотая ледяную воду. Отдышавшись, замер и прислушался. Сперва ему показалось, что звук, который он слышал, галлюцинация — тиннитус. Но таинственное звучание изменялось. Откуда-то, далеко за спиной, доносился странный гул — противный, зудящий, похожий на вой бензопилы. Звук стремительно нарастал, расползаясь по лесу, будто его порождали сразу сотни невидимых пил. Если бы охотник не остановился и не прислушался, то и не распознал бы его. Теперь Павел отчётливо слышал шум с востока, юго-востока, а вскоре — юга и севера. Казалось, люди с ревушими инструментами мчались к нему со всех сторон одновременно. Перед глазами вспыхнул сюрреалистичный образ: мелькающие фигуры, сизый дым, обволакивающий листву, и люди... этикетки из фильмов ужасов. На лбу выступил холодный пот. Он потянулся к вещам, рывком взвалил тяжёлую ношу на спину — и в тот же миг звук оборвался: резко, без перехода, будто кто-то дёрнул рубильник. Назойливый зуд исчез буквально в пятидесяти метрах, растворился, словно его и не было. Охотник вглядывался в темноту, пытаясь отыскать источник, но вокруг по-прежнему стояли только деревья. И эта внезапная тишина пугала куда сильнее, чем прежний гул.

Пятясь, он направил луч фонаря туда, где только что слышал жужжание, и замер. Свет выхватывал толстые стволы и скрюченные ветви, теперь казавшиеся не просто старыми, а будто нарочно искривлёнными, уродливо-зловещими. Пейзаж был пугающим, но в нём не было ничего по-настоящему необычного.

— Устал ты, Пашка... Устал, — пробормотал он себе под нос, не отводя луч фонаря от лесной чащи. Снова прислушался. Что-то настораживало, царапало сознание, но он не мог

уловить, что именно, пока с севера не донёсся треск ветвей. Звук шёл не сверху, как раньше, а откуда-то снизу, с самой земли. Охотник резко перевёл луч света на север, в сторону сухих, колючих зарослей. В жёлтом ореоле луча мелькнул белый силуэт.

За деревьями и густыми кустами угадывалась изящная женская фигура.

— Эй! Кто ты? Не бойся! — произнёс охотник как можно мягче, стараясь звучать дружелюбно. Ему показалось, что незнакомка — альбинос: кожа была неестественно бледной, почти светящейся, а формы — хрупкими и в то же время выразительными. Возраст определить не удавалось, но она явно была молодой.

Женщина не спешила выходить из укрытия, по-прежнему прячась за деревьями.

— Что ты здесь делаешь? — продолжил мужчина, стараясь не делать резких движений. — Ты не видела мою собаку?

Незнакомка вдруг медленно, едва заметно кивнула.

— Правда? В какой стороне? Покажи мне! — в голосе охотника прозвучала надежда, смешанная с недоверием. Он пытался разглядеть её сквозь тени, но лицо то и дело скрывалось в полумраке.

— Покажи, где ты ее видела. Я не причиню зла, — он шагнул к ней, нарочито медленно, чтобы не спугнуть. — Так что? Покажешь?

Девушка снова кивнула, на этот раз чуть увереннее, и поманила его длинными тонкими пальцами — движение вышло почти невесомым, будто она боялась нарушить покой.

— Хорошо, иду... — пробормотал охотник, и, стараясь сохранять спокойствие, двинулся вслед за призрачным жестом.

Он шагнул вперёд — и вдруг за спиной ощутил дуновение ветра, которого здесь, в этой глухой части леса, быть не могло. Порыв был странным, будто вырвался из узкой невидимой щели и пробрал до костей. Охотник машинально обернулся и застыл, едва успев сделать вдох.

В метре от него застыла женская фигура — она не растворялась во мраке, а напротив, властно прорезала темь неестественно яркой белизной. От неожиданности он попятился, запнулся о корень и рухнул наземь. Ружьё с лязгом ударило о землю, а фонарь отлетел в сторону, выхватив из мрака силуэт незнакомки резким кругом света.

Взгляд мужчины скользнул вверх — от босых стоп, будто впечатанных в сырую землю, к стройным длинным ногам, изящной талии, очень маленькой, будто бы несформированной женской груди, тонкой шее, полускрытой ниспадающими черными кудрями... и наконец к лицу. К лицу, которого, по сути, не было. Ни глаз, ни рта, ни носа — лишь гладкая, неестественно ровная поверхность, пугающе пустая, но на месте носа торчал длинный хобот, сужающийся к концу. Он был закручен, словно ведминец, и в этом изгибе не было ничего человеческого, и уж точно он служил не для того, чтобы различать запахи. В нём таилась иная, чуждая функция, и от этой догадки леденела кровь.

Короткая пауза — и время будто застыло. Оцепенение сковало тело, а физическая слабость потянула к земле, словно сама тьма налипла на плечи. Боязнь пошевелиться, страх сделать рывок к оружию парализовали волю. Тело отказывалось подчиняться, игнорировало отчаянные команды разума, пока из-за спины существа не показались крылья — белые, словно простыни, но вовсе не похожие на перепончатые. Они были почти прозрачны, как крылья гигантского насекомого, пронизанные тонкими жилками, мерцавшими в тусклом свете.

С немыслимой скоростью крылья пришли в движение. Раздался зудящий, въедающийся в уши, звук — будто рядом заработал двухтактный двигатель, только тоныше, пронзительнее. Монстр взмыл над человеком, на мгновение завис, словно смакуя миг торжества, а затем ринулся в атаку.

Охотник понимал — жизнь повисла на волоске. Знал — нападение будет смертельным. Осознание обожгло, пробив пелену ужаса: нужно взять себя в руки, нужно действовать. Ведомый лишь первобытным инстинктом выживания, он метнулся к ружью, едва успев увернуться

от тонкого хоботка — отростка, будто слепленного из хитина и стекла, — походившего на иглу медицинского шприца из самого жуткого ночного кошмара: острый, блестящий, смертельно опасный.

Существо обрушилось туда, где только что лежал Павел. Хитиновая игла с хрустом вонзилась в лесной подшёрсток, пробив мох и прелую листву. Этого времени хватило, чтобы он схватил ружьё, рванул курок одного из стволов и наспех выстрелил в монстра.

Вместо оглушительного ружейного грохота — тихий, предательский щелчок. В стволе не было патрона. Охотник знал: ружьё было заряжено лишь одним дробовым патроном, но в вихре паники забыл, какой из стволов был готов к бою.

Мгновение — и округу озарила яркая вспышка. Мощный хлопок, подобный раскату грома, разлетелся по чаще, эхом ударяясь о стволы деревьев. Существо вдруг обмякло, уронив голову, и «жало» его глухо стукнулось о землю. Чудовище замерло и больше не шевелилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.